

В советские времена коммунистические власти продвигали строгую форму атеизма и преследовали верующих. В современной России происходит обратное: государство продвигает строгие православные доктрины и использует судебную систему, чтобы заткнуть рты неверующим и несогласным со взглядами ортодоксальной церкви.

Президент РФ Владимир Путин давно объединил усилия со все более воинственной Русской православной церковью (РПЦ) для защиты «традиционных ценностей» внутри страны и за рубежом. Поддерживая церковную доктрину в интерпретации Московского патриархата, представители российского правительства активно обеспечивают соблюдение принятого в 2013 году [закона](#), криминализирующего «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих».

В феврале на данный вопрос, наконец, обратила внимание американская пресса. В своей [статье](#) в издании Politico Марк Беннеттс рассказал о рейдах полиции в отношении людей, добившихся отмены постройки нового православного храма в одном из популярных парков Москвы. В материале также упоминались дела Виктора Краснова, оказавшегося в суде за то, что во время дискуссии в Интернете сказал, что «бога нет», и Руслана Сокольского, попавшего на скамью подсудимых за выставленное в YouTube провокационное видео, на котором он играет в церкви в популярную игру Pokémon GO.

Поправки к статье №148 уголовного кодекса, вводящие наказание за слова и действия, которые могут интерпретироваться как оскорбительные по отношению к верующим, были приняты после акции, осуществленной панк-группой Pussy Riot в начале 2012 года в Храме Христа Спасителя в Москве.

В 2013 году, во время обсуждения поправок, один из моих российских друзей опубликовал в Facebook следующий вопрос: «А кто защитит чувства атеистов?». Методы, при помощи которых обеспечивается исполнение данного закона, являются ясным ответом: права неверующих, а также верующих с широкими взглядами, не защищены. Дело Сергея Чапина подчеркивает уязвимое положение верующих, не согласных с официальной политикой церкви. Чапин был уволен с должности ответственного редактора «Журнала Московской Патриархии» за критику в отношении РПЦ, превратившейся, по его словам, в «церковь империи».

Законы вроде статьи №148 делают общество более закрытым и являются шагом в направлении того, что сторонники либеральной теории называют тиранией большинства.

После принятия поправок к статье №148 я написал [аналитическую статью](#), отметив, что во многих демократических государствах имеются разного рода законы, запрещающие богохульство и оскорбление чувств верующих. Но, оглядываясь назад, думаю, что мне следовало уделить больше внимания очень важному аспекту: некоторые из этих законов – как, например, в Германии – призваны защищать религиозные меньшинства. Между тем в России данный закон используется для защиты большинства от критики со стороны меньшинства.

Весьма стоящей [научной статьей](#) по данному вопросу является материал под заголовком «Дело Pussy Riot и особенности российского постсекуляризма», написанный моим другом и коллегой, российским социологом Дмитрием Узланером.

Узланер утверждает, что в России ««панк-молебен» подвесил границу между религиозным/сакральным и светским/профанным». Где проляжет новая граница, пока неясно, но российское государство, позиционирующее себя в качестве защитника «традиционных ценностей», взяло на себя роль арбитра, который будет чертить эту границу.

Кристофер Струп является аналитиком, специализирующимся на религиозных вопросах в Евразии. Ныне он занимается постдокторскими исследованиями в Университете Южной Флориды. Он закончил Стэнфордский университет с докторской степенью по истории России и

междисциплинарным гуманитарным исследованиям. Точка зрения автора статьи может не совпадать с позицией редакции EurasiaNet.